

Ник Нил

Письмо из прошлого

«Автор»

2026

Нил Н.

Письмо из прошлого / Н. Нил — «Автор», 2026

Погрузитесь в мрачную вселенную сериала «История его служанки». «Письмо из прошлого» вскроет тайны, которые изменят настоящее. Атмосфера нарастающей тревоги, безысходность и сложные судьбы на фоне жестокого мира оригинала. Предупреждение: 18+, содержит сцены насилия.

© Нил Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Сундук	5
Глава 2. Тень отца	7
Глава 3. Архивариус	9
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Письмо из прошлого

Глава 1. Сундук

Дождь барабанил по жестяной крыше флигеля, и Анна Аверина подумала, что в этом звуке есть что-то неотвратимое. Как приговор. Как шаги, которые приближаются и которых не остановить.

Она стояла на коленях перед старым сундуком, перевязанным пеньковой верёвкой. Сундук привезли утром из деревни — вместе с остальными пожитками, которые батюшка успел отправить перед тем, как дом в Москве пошёл с молотка. Мать плакала, когда мужичок с рябой бородой втаскивал его через заднее крыльцо, но Анна не плакала. Она уже не могла. За последние три месяца она выплакала всё, что было отложено на чёрный день, и теперь внутри осталась лишь сухая, тугая решимость — та самая, что заставила её принять предложение графа Шереметьева.

Сундук пах сыростью и нафталином. Замок заржавел, и Анна повозилась с ним, прежде чем щелчок не поддался. Крышка откинулась с протяжным скрипом, и из темноты на неё глянуло прошлое: стопка писем, перевязанных бечёвкой; молитвенная книга с заложенной сухой веточкой вербы; веер с обломанным зубцом — мамин, ещё до замужества. И на самом дне, под холщовой тряпицей, — конверт из плотной желтоватой бумаги, запечатанный тёмно-красным сургучом.

Анна повертела конверт в руках. На нём не было ни адреса, ни имени — только оттиск печати: две буквы, переплетённые вензелем. «П» и «А». Первая — конечно, Павел: так звали батюшку, Павла Сергеевича Аверина. А вторая...

Она поднесла печать к свету. «А» — это могло быть «Аверин». А могло быть и что-то другое.

Письмо было запечатано так тщательно, будто батюшка боялся, что оно попадёт не в те руки. И всё же отправил его сюда, в этот сундук, — не в огонь, не в реку, а сюда. Значит, хотел, чтобы кто-то его нашёл. Или, может быть, просто не успел избавиться.

Анна сломала печать.

Почерк батюшки — острый, наклонный, с завитушками на строчных «д» и «г», — она узнала бы с закрытыми глазами. Но письмо было не ей. Оно начиналось со слов: «Дорогой Николай Александрович...»

У Анны перехватило дыхание.

Она быстро перечитала первую строку. Потом вторую. Потом — всё письмо, от начала до конца, дважды, потому что с первого раза не поверила.

Павел Аверин писал графу Николаю Александровичу Шереметьеву. Графу, у которого она — служанка. Графу, которому она служит за долги.

«Я знаю, что этот долг лежит между нашими семьями уже два поколения, — писал батюшка. — Мой отец, Сергей Павлович, взял у Вашего деда, Александра Николаевича, сумму, которую никогда не смог бы вернуть. Но тогда речь шла не о деньгах. Речь шла о покровительстве, о защите от суда, о жизни и свободе. Мой отец обещал служить верой и правдой, и он служил — пока не состарился, пока не ослаб, пока Ваш дед не забыл об этом долге и не оставил его в бумагах, которые перешли к Вам. Но Вы не забыли. Вы пришли за долгом, когда я уже думал, что всё забыто. Вы сказали, что мой долг перед Вашим родом — не деньги, а верность. И что верность эту я могу доказать только одним способом...»

Дальше шло то, от чего у Анны задрожали руки.

«...Вы сказали, что когда-нибудь придёте за моей дочерью. Не за деньгами, не за землёй — за ней. Вы сказали, что Аверины должны служить Шереметьевым, как служили всегда,

и что раз я не могу служить сам — будет служить мой ребёнок. Я умолял Вас, Вы не отступили. И тогда я согласился, потому что мне нечего было Вам противопоставить. Но заклинаю Вас, Николай Александрович: если придёт тот день, будьте милосердны. Она не знает. Она не должна знать, пока не придёт время. И пусть то, что я написал здесь, останется между нами — двумя людьми, которые связаны долгом сильнее клятвы».

Дата в углу письма — март прошлого года. За два месяца до того, как батюшка начал говорить о графе Шереметьеве. За три месяца до того, как граф «случайно» встретил Анну на благотворительном вечере. За четыре — до того, как он предложил ей сделку.

Анна сидела на полу, письмо лежало на коленях, дождь стучал по крыше, и ей казалось, что стены флигеля медленно сдвигаются.

Всё было не тем, чем казалось.

Граф не «случайно» встретил её. Он не «по доброте душевной» предложил работу. Он пришёл за долгом. За ней — за ней — потому что её отец обещал её, как обещают вещь, как закладывают имение.

Она встала. Ноги не слушались. Письмо она спрятала за корсаж — единственное место, где никто не догадается искать. Потом закрыла сундук, задвинула засов и вышла под дождь.

Усадьба Шереметьевых стояла на холме, белая, с колоннами, с тенистым парком, спускающимся к пруду. В окнах горели свечи. Где-то на втором этаже, в кабинете, граф, вероятно, сидел над бумагами — он всегда работал допоздна. Анна подумала: поднять глаза от бумаг, увидеть её, сказать что-нибудь лёгкое, чуть насмешливое, как говорил обычно. И всё это время — знал. Знал, зачем она здесь. Знал, потому что он сам это устроил.

Она дошла до заднего крыльца, отряхнула капли с подола и поднялась по ступеням. В кухне было тепло, пахло хлебом и сушёными травами. Лиза, горничная, — невысокая, быстроглазая, с косою толщиной в руку, — месила тесто и мельком глянула на Анну.

— Опять мокрая. Уж на что девушки, а на дождь — ни ума, ни памяти.

— Муки не осталось? — спросила Анна, чтобы сказать хоть что-то.

— Мука — это для пирогов, а для булочек — другое. Ты бы, барышня, шла в горницу. Хозяин спрашивал, не видели ли мы его папку — синюю, с золотым тиснением. Я сказала, что не видела. А Дарья Петровна сказала, что видела, но не помнит где.

Анна кивнула и пошла к себе. Комната её была маленькая, но чистая: узкая кровать, столик, зеркало в треснувшей раме. Она закрыла дверь, села на кровать и вынула письмо из-за корсажа.

Перечитала снова. Потом ещё раз. И каждый раз одно и то же — «когда-нибудь придёте за моей дочерью».

Она не плакала. Она думала.

Глава 2. Тень отца

Следующие два дня Анна жила как во сне.

Она подавала завтрак, расставляла приборы, следила, чтобы самовар блестел, — делала всё, что полагалось служанке, и делала хорошо, потому что привыкла делать хорошо всё, за что бралась. Но внутри у неё росла тишина, плотная, как вата, и за этой тишиной жил вопрос: что теперь?

Граф Шереметьев на завтрак не вышел — он уехал в город рано утром, и Анна испытала облегчение, за которое тут же устыдилась. Ей было страшно смотреть ему в глаза. Не потому что он мог что-то заметить — Анна умела держать лицо, — а потому что она не знала, что увидит в его глазах, если посмотрит внимательно. Жалость? Расчёт? Или то странное, тёплое, что иногда вспыхивало, когда он задерживал на ней взгляд чуть дольше, чем полагалось?

Днём она убирала библиотеку. Кабинет графа был заперт, но библиотека — общая, и Анна часто приходила сюда, когда в доме было тихо. Книги стояли рядами до потолка: французские романы в кожаных переплётах, русские журналы, папки с гравюрами. На нижней полке, за тяжёлым томом «Записок охотника», Анна однажды нашла забытую газету за прошлый год с отчётом о благотворительном вечере, где они впервые встретились. Она перечитала заметку: «Граф Н. А. Шереметьев, по обыкновению своему, не остался в стороне от благого дела и пожертвовал значительную сумму на содержание приюта для сирот». Всё было правильно, всё было как она помнила. И всё было частью плана.

Она убирала, протирала корешки, расставляла книги по росту — привычка, оставшаяся от батюшки, который в лучшие дни имел библиотеку в три тысячи томов. Когда-то и Анна читала в этой библиотеке, сидя в отцовском кресле, и страницы пахли типографской краской и клеем. А теперь она протирала чужие корешки в чужом доме, и между этими двумя жизнями лежала пропасть, на дне которой — запечатанный конверт.

К вечеру второго дня Анна решила: нужно узнать больше. Письмо было не единственным. Если долг существовал два поколения, должны быть документы. Договоры. Расписки. Что-то, что объясняло, как отец Аверин оказался в долгу перед дедом Шереметьева, и почему этот долг перешёл по наследству.

Она знала, где искать. У графа был архив — не тот кабинет, что на втором этаже, а настоящий архив, в полуподвале под лестницей. Лиза говорила, что туда никто не ходит, кроме старого Егорыча, который служил у Шереметьевых ещё при деде графа.

Егорыч. Это имя всплыло в памяти, как всплывает поплавок, когда попалась рыба. Егорыч — не просто слуга. Он был живым свидетелем. Если кто и помнил, что связывало Авериных и Шереметьевых четверть века назад, — это он.

Но подойти к нему было непросто. Егорыч жил в маленькой комнатке при конюшне, ни с кем не разговаривал, кроме лошадей, и на вопросы отвечал односложно. Лиза его побаивалась. Дарья Петровна, экономка, говорила, что он «со странностями» и что граф держит его «по привычке, из милости». Анна подумала: милость — это когда дают что-то ненужное. А Егорыча держали, потому что он знал слишком много, чтобы отпустить.

В тот вечер Анна впервые за два дня увидела графа. Он вернулся затемно, и она подала ему ужин в малой столовой — холодную телятину, хлеб, графин вина. Он сидел в кресле, расстёгнутый ворот, усталые глаза, и когда Анна поставила перед ним тарелку, сказал, не глядя:

— Вы бледны, Анна Павловна. Вы плохо спите?

Она чуть не выронила тарелку. Не «Анна» — «Анна Павловна». Он так называл её, когда был в хорошем настроении или когда хотел, чтобы она почувствовала себя не служанкой, а кем-то большим. Это была игра, которую они вели с первого дня: он — барин, она — служанка,

и между ними тонкая, невидимая линия, которую оба знали и оба не переходили. Или делали вид, что не переходили.

— Я сплю хорошо, ваше сиятельство, — ответила она ровно. — Спасибо за заботу.

— Не стоит благодарности. — Он поднял глаза, и она увидела в них ту самую тёплую искру, которая мучила её по ночам. — И перестаньте называть меня «ваше сиятельство». Мы договорились: просто «граф». Или, если угодно, Николай Александрович.

— Мы договорились о многом, — сказала Анна, и её голос не дрогнул, хотя внутри всё сжалось.

Он усмехнулся.

— Вот как? Кажется, я чего-то не знаю.

«Ты знаешь всё, — подумала она. — Ты знаешь больше, чем я. Ты знал ещё до того, как я переступила порог этого дома».

— Ничего, — сказала она. — Спокойной ночи, граф.

И вышла, не оглядываясь.

В комнате она достала письмо, разгладила его на столе и долго смотрела на почерк отца. «Будьте милосердны». Батюшка просил милосердия. Батюшка, который был горд, который никогда ни у кого ничего не просил, — просил. Значит, дело было хуже, чем она думала.

Она решила: завтра пойдёт к Егорычу.

Глава 3. Архивариус

Егорыча она нашла в конюшне, где он чистил гнедого жеребца — того самого, на котором граф обычно ездил в город. Старик двигался медленно, но уверенно: провёл щёткой по холке, по боку, по ноге, и жеребец стоял смирно, будто понимал, что этот человек не причинит вреда.

Анна остановилась в дверях. Пахло сеном, лошадиным потом и дёгтем. Из угла, из полумрака, на неё глянул Егорыч — маленький, высохший, с лицом, похожим на старую перчатку: морщины так глубоки, что глаза терялись в них, как в складках.

— Чего? — спросил он, не переставая чистить.

— Мне нужно поговорить с вами.

— Мне — нет.

— Это о моём отце. Павле Сергеевиче Аверине.

Щётка замерла. На мгновение — всего на мгновение — рука старика дрогнула. Потом снова пошла по холке, ровно, неспешно.

— Не знаю никакого Аверина.

— Знаете, — сказала Анна тихо. — Вы служили при деде графа, при Александре Николаевиче. Мой отец, Сергей Павлович, тоже служил при нём. А потом — Павел Сергеевич, мой отец. Вы не можете не помнить.

Егорыч молчал. Жеребец переступил с ноги на ногу. Где-то за стеной залаяла собака и замолчала.

— Иди, барышня, — сказал он наконец. — Не надо тебе этого.

— Почему?

— Потому что лезть в чужие дела — себе дороже. Особенно в дела, которые похоронены. Их хоронят не зря.

— Мой отец похоронил это в сундуке и запечатал сургучом. А я нашла. Теперь я не могу не знать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.